

ГАРГАНТЮА И ПАНТАГРЮЭЛЬ. КНИГА ПЕРВАЯ

1533–1564, выдержки Дятловых от 25.01.2020

Капитан раскрыл ее и, улыбаясь, снова протянул Бернару. Тот прочел на первой странице: Повесть о преужасной жизни великого Гаргантюа, отца Пантагрюэля, сочиненная магистром Алькофрибасом, извлекателем квинтэссенции.

— Вот это книга так книга! — со смехом воскликнул капитан. — Я отдам за нее все богословские трактаты из Женевской библиотеки.

— Автор этой книги был, говорят, человеком очень знающим, однако знания не пошли ему на пользу.

Жорж пожал плечами.

— Ты сначала прочти, Бернар, а потом будешь судить.

Мериме П., «Хроника царствования Карла IX», 1829

*В 1793 году знаменитый маркиз де Сад обращается к Конвенту с концепцией дехристианизации, деморализации и дегуманизации. Ну, чем не Телема? Де Сад работает с якобинцами точно так же, как Бахтин — с поздними коммунистами. Прими якобинцы «де-садовщину» подобно тому, как Андропов принял «бахтинизм», — французская «перестройка» свершилась бы двумя столетиями ранее советской. И не было бы никакого проекта «Модерн». <<...>> **Рушится та или иная формация. Или Эон, как любят говорить телемиты. В момент этого обрушения телемиты пытаются подменить спасительную энергию революционного созидания — принципиально иной энергией. Эта подмена, коль скоро ее удастся осуществить, превращает восхождение в нисхождение. Суть телемизма — в обеспечении такого превращения.** Случись в СССР подлинная революция в конце 80-х годов XX века, мы бы сейчас имели могучую постиндустриальную сверхдержаву. Но телемиты превратили подобную революцию (революцию авангарда) — в Карнавал и регрессивную оргию (революцию арьергарда). Телемизм — как средство спасения от революций. А значит, и от Истории. Использование этого средства в конце 80-х годов породило распад СССР и регресс. Налицо явное желание вновь использовать это же средство для обеспечения распада Российской Федерации и усугубления все того же регресса. **Телемиты проиграли в 1793 году во Франции и в 1922 году в России. Они победили в 1933 году в Германии и в 1991 году в СССР.** В преддверии их новой активизации важно понять, что обеспечивает их — для нас спасительный — проигрыш? «Авангардизм» — вот что!*

Обсудив уже проблему демонтажа личности и народа как историко-культурной личности, я теперь вправе обратить внимание читателя на то, что авангард — это политический аналог «сверх-Я». А арьергард — это политический аналог «Оно». А также на то, что демонтаж культурный, политический, метафизический и иной осуществлялся с помощью Телемы. Но являлась ли Телема лишь средством демонтажа или же субъектом, осуществляющим оный? В любом случае — Телема использовала беспокоившие Маркса «превращения». И опять же возникает вопрос: «превращения» эти, являясь войной формы против содержания, осуществляются самой формой? Или каким-то внешним субъектом? Если есть такой внешний субъект, то им никак не может быть Творец форм. А раз так, то на роль предельного метафизического субъекта, рождающего «превращенные формы», может претендовать лишь Сверх-Сущее Бердяева. То есть Великая Тьма. Но кто соискатель на политическую роль? Как прикажете именовать субъект, который явно решил бороться не только с коммунизмом, Модерном и гуманизмом, но и с Историей? И почему, собственно, этот политический субъект нельзя именовать Телемой? «Транснациональным империалистическим государством» его, видите ли, именовать можно. «Железной пятой» — можно. А Телемой — нельзя? Почему? Проект «Телема» претендует на то, чтобы отменить Историю. Проектанты хотят добиться

этой цели, парализуя исторический авангард, побуждая арьергард отречься от Истории, активизируя отрекшийся от Истории арьергард и двигая исторический поезд вспять. То есть, осуществляя регресс. Проектом «Телема» я занимаюсь, а не Рабле, Бахтиным, Кожинным и другими. Проектом «Телема» — как сокрушителем Модерна. И создателем совсем иной реальности по ту сторону оного. Русская Телема в ее оголтело-племенном исполнении — убогая часть общемировой Телемы.

Сергей Кургиян, «Кризис и другие — 42», газета «Завтра», 25.11.2009

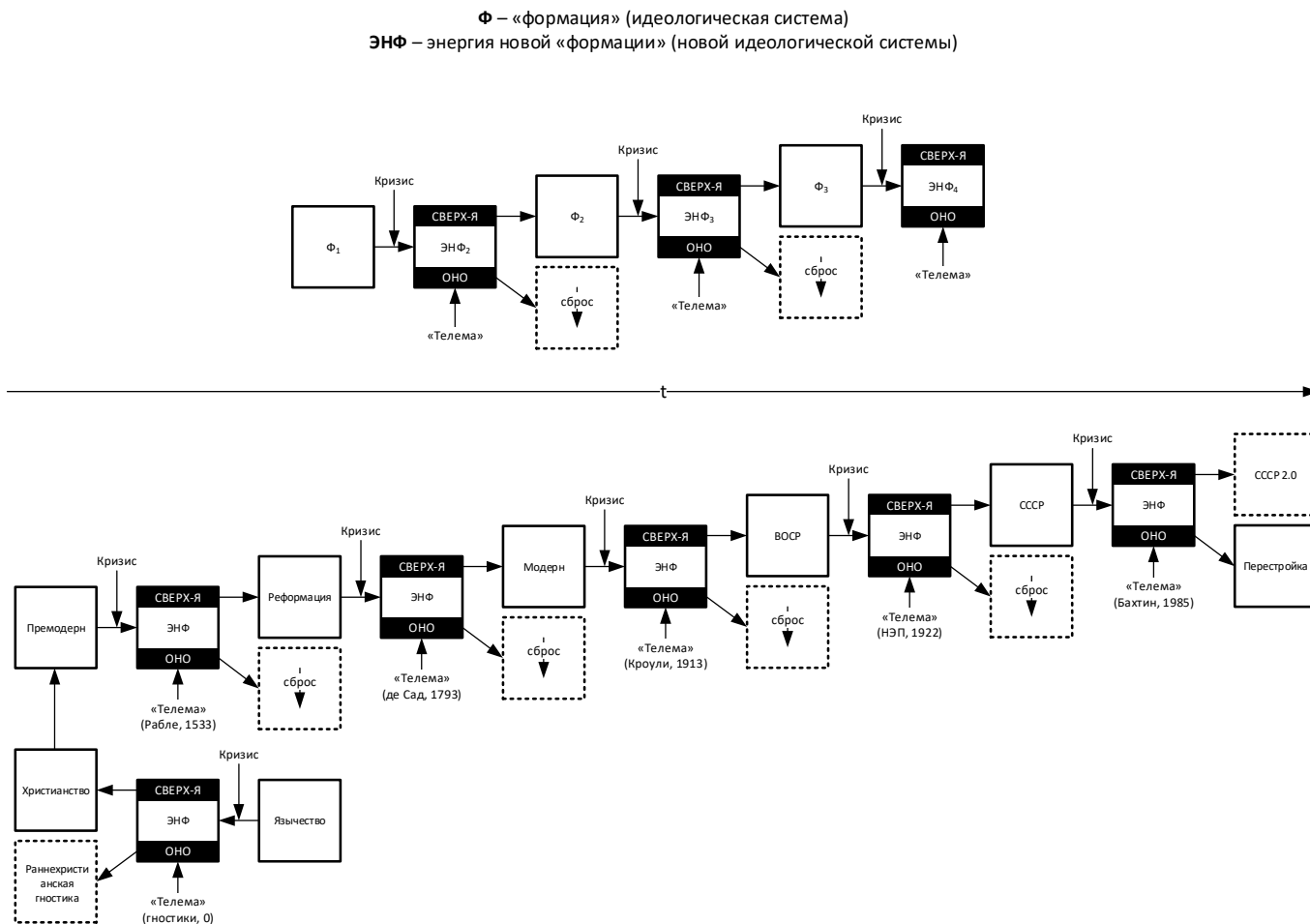

Рис. 1. «Историософия» Телемы

1. Читатель, друг! За эту книгу сев, Пристрастия свои преодолей, Да не введет она тебя во гнев; В ней нет ни злобы, ни пустых затей. Пусть далеко до совершенства ей, Но посмешишь она тебя с успехом. Раз ты тоскуешь, раз ты чужд утехам, Я за иной предмет не в силах взяться: Милей писать не с плачем, а со смехом, Ведь человеку свойственно смеяться.
2. Таков, по словам Алкивиада, и был Сократ: если бы обратили внимание только на его наружность и стали судить о нем по внешнему виду, вы не дали бы за него и ломаного гроша — до того он был некрасив и до того смешная была у него повадка: нос у него был курносый, глядел он исподлобья, выражение лица у него было тупое, нрав простой, одежда грубая, жил он в бедности, на женщин ему не везло, не был он способен ни к какому роду государственной службы, любил посмеяться, не дурак был выпить, любил подтрунить, скрывая за этим божественную свою мудрость. Но откройте этот ларец — и вы найдете внутри дивное, бесценное снадобье: живость мысли сверхъестественную, добродетель изумительную, мужество неодолимое, трезвость беспримерную, жизнерадостность неизменную, твердость духа несокрушимую и презрение необычайное ко всему, из-за чего смертные так много хлопочут, суетятся, трудятся, путешествуют и воюют.
3. вы, обратив внимание только на внешний признак (то есть на заглавие) и не вникнув в суть дела, обыкновенно уже начинаете смеяться и веселиться.

4. ибо в книге моей вы обнаружите совсем особый дух и некое, доступное лишь избранным, учение, которое откроет вам величайшие таинства и страшные тайны, касающиеся нашей религии, равно как политики и домоводства.
5. я полагаю, что Гомер так же мало думал об этих аллегориях, как Овидий в своих *Метаморфозах* о христианских святых
6. я выпить горазд и бутылке не враг
7. Я в теориях не разбираюсь, вот насчет практики — это еще туда-сюда.
8. «Аппетит приходит во время еды», сказал Анже Майский
9. *Natura abhorret vacuum* («Природа не терпит пустоты» — лат.)
10. Ведь для Бога нет ничего невозможного, и если бы Он только захотел, то все женщины производили бы на свет детей через уши.
11. Тогда Грангузье воскликнул: «*Ке гран тю а!..*» — что означало: «Ну и здоровенная же она у тебя!..» Он имел в виду глотку. Присутствовавшие не преминули заметить, что по образцу и примеру древних евреев младенца, конечно, нужно назвать Гаргантюа, раз именно таково было первое слово, произнесенное отцом при его рождении.
12. эмалевая фигурка, изображавшая человека с двумя головами, повернутыми друг к другу, с четырьмя руками, четырьмя ногами и двумя задями, ибо, как говорит Платон в *Пире*, такова человеческая природа в ее изначальной мистической сущности
13. таков обычай тиранов, которые в противоположность людям мудрым и ученым, почитающим за нужное приводить веские доводы, стремятся к тому, чтобы здравый смысл уступил место их произволу; а может стать, глупость, ибо он воображает, что, не имея доказательств и достаточных оснований, а лишь следуя его ни с чем не сообразным догадкам, люди станут сочинять себе девизы.
14. Надеюсь когда-нибудь изложить все это обстоятельно и доказать как с помощью философских умозаключений, так и путем ссылок на признанные авторитеты древнего мира, сколь многочисленны и каковы суть цвета в природе и что каждым из них можно обозначить.
15. Вы отлично знаете, что все народы, все страны (за исключением древних сиракузцев и некоторых армяв, страдавших извращенностью ума) и все языки, желая каким-либо внешним образом выразить свою печаль, носят черные одежды, ибо черный цвет есть цвет траурный. Этот обычай мог утвердиться повсеместно только потому, что сама природа дает ему объяснение и обоснование, которое каждый из нас может постигнуть самостоятельно, без посторонней помощи, и это мы и называем естественным правом.
16. По тому же внушению природы все условились считать белый цвет знаком радости, веселья, удовольствия, наслаждения и блаженства.
17. В былые времена фракийцы и критяне отмечали счастливые и радостные дни белым камнем, печальные и несчастливые — черным.
18. Разве ночь не зловеща, не печальна и не уныла? А ведь она темна и мрачна. Разве вся природа не радуется свету? А ведь ничего нет белее его. В доказательство я мог бы сослаться на книгу Лоренцо Баллы, которую он написал против Бартола, но полагаю, что вас вполне удовлетворит свидетельство евангелиста: в гл. XVII от Матфея, где говорится о Преображении Господнем, мы читаем: *V estimenta ejus facta sunt alba sicut lux*, одежды его сделались белыми, как свет, по каковой ослепительной белизне три апостола составили себе понятие и представление о вечном блаженстве
19. Вот почему Galli[33] (то есть французы, названные так потому, что они от рождения белы, как молоко, а молоко по-гречески *gala*) любят носить на шляпах белые перья, ибо по природе своей они жизнерадостны, простодушны, приветливы и всеми любимы, и гербом и эмблемой служит им белейший из всех цветов, а именно — лилия.
20. Ах, малыш, малыш, славно провел ты нас за нос! Быть тебе когда-нибудь святейшим владыкою папой!
21. И напрасно вы думаете, будто всем своим блаженством в Елисейских полях герои и полубоги обязаны асфоделям, амброзии и нектару, как тут у нас болтают старухи. По-моему, все дело в том, что они подтираются гусьями, и таково мнение ученейшего Иоанна Скотта.

22. Магистр так хорошо сумел преподать ему азбуку, что тот выучил ее наизусть в обратном порядке
23. И все это Гаргантюа так хорошо усвоил, что на экзамене сумел ответить все наизусть в обратном порядке
24. Его сменил еще один старый хрен, магистр Дурако Простофиль
25. А вот у вас, потаскуны несчастные, таких хвостов нет!
26. Ученье, как говорится, — тьма, а неученье — свет.
27. в Париже живут такие олухи, тупицы и зеваки, что любой фигляр, торговец реликвиями, мул с бубенцами или же уличный музыкант соберут здесь больше народа, нежели хороший проповедник.
28. С этими словами он, посмеиваясь, отстегнул свой несравненный гульфик, извлек оттуда нечто и столь обильно оросил собравшихся, что двести шестьдесят тысяч четыреста восемнадцать человек утонули, не считая женщин и детей.
29. клянусь Господней Пасхой, клянусь Рождеством, пусть меня черт возьмет, клянусь святой Сосиской, святым Хродегангом, которого побили печеными яблоками, святым апостолом Преподобием, святым Удом, святой угодницей Милашкой, ну и окатил же он нас, ну и пари ж он придумал для смеха!
30. О милостивый государь, о domine, clochidonnaminor nobis!
31. Omnis clocha clochabilis, in clocherio clochando, clochans clochotivo clochare facit clochabiliter clochantes. Parisius habet clochas.
32. дичь пороть
33. Во исполнение данных обетов они и до сей поры пребывают грязными и сопливыми, ибо суд еще не раскумекал это дело до тонкости
34. Природа сама по себе не создает ничего бессмертного, ибо всему произведенному ею на свет она же сама полагает предел и конец: omnia orta cadunt («все рожденное обречено гибели» — лат.) и т. д. Но усилиями этих крючкотворов разбираемые ими тяжбы становятся бесконечными и бессмертными.
35. назло завистникам дожил до самой своей смерти
36. ибо он полагал, что без сильного потрясения природа не терпит внезапных перемен
37. В играх этих не было ничего принудительного: они бросали партию когда хотели и обыкновенно прекращали игру чуть только, бывало, вспотеют или же утомятся.
38. мастак отбарабанить часы, отжарить мессу и отвалить вечерню, — одним словом, самый настоящий монах из всех, какими монашество когда-либо монашественнейше омонашивалось
39. Ибо подобно тому как любое оружие, находящееся вне дома, бессильно, коли и в самом доме некому подать совет, так же точно бесплодно учение и бесполезны советы, ежели они не будут вовремя претворены в жизнь и благой цели своей не достигнут.
40. Там вы сможете огрести кучу денег, — у этого мужлана денег уйма. У мужлана, говорим мы, ибо у благородного государя гроша за душой никогда не бывает. Копить — это мужицкое дело
41. Я тогда вновь построю храм Соломона, — сказал Пикрохол
42. Festina lente («Торопись не спеша» — лат.)
43. А Гимнаст тот же час удалился, ибо он полагал, что в случаях счастливых не следует перегибать палку, а то счастье может и изменить, и что рыцарю подобает ко всякой своей удаче относиться бережно, не надоедать ей и не докучать
44. Вы — там, или же вас там нет? Если вы там, то больше вы там не будете; если же вас там нет, то мне вам сказать нечего.
45. кобылье мочепотопа
46. Ну так за чертей, пока они существуют! — подхватил монах
47. монахи пожирают людские отбросы, то есть грехи, и, как дерьмоедам, им отводят места уединенные, а именно монастыри и аббатства, так же обособленные от внешнего мира, как отхожие места от жилых помещений. Далее, если вам понятно, отчего все в доме смеются над обезьяной и дразнят ее, то вам легко будет понять и другое: отчего все, и старые и молодые, чуждаются монахов. Обезьяна не сторожит дома в отличие от собаки, не тащит плуга в отличие от вола, не дает ни молока, ни шерсти в отличие от овцы, не возит тяжестей в отличие

- от коня. Она только всюду гадит и все портит, за что и получает от всех насмешки да колотушки. Равным образом монах (я разумею монахов-тунеядцев) не пашет землю в отличие от крестьянина, не охраняет отечество в отличие от воина, не лечит больных в отличие от врача, не проповедует и не просвещает народ в отличие от хорошего проповедника и наставника, не доставляет полезных и необходимых государству предметов в отличие от купца. Вот почему все над монахами глумятся и все их презирают.
48. Согласно истинной военной науке никогда не следует доводить врага до крайности: если он удручен и изнеможен, то отчаяние придает ему сил и вселяет в него бодрость, ибо отнять у людей растерявшихся и измученных всякую надежду на спасение — значит наделить их спасительнейшим средством. Сколько побед было вырвано побежденными из рук победителей единственно потому, что победители наперекор здравому смыслу стремились к полному и окончательному уничтожению и истреблению врага, не думая о том, что следует хоть кого-нибудь оставить в живых, чтобы было кому явиться вестником их победы! Всегда оставляйте неприятелю все ворота и дороги открытыми, сооружайте ему серебряный мост, чтобы облегчить отступление.
49. Чума убивает тело, а эти чертовы обманщики отравляют души бедных простых людей.
50. Вот об этом-то и говорит Платон в пятой книге *De ger.*, — заметил Гаргантюа, — государства только тогда будут счастливы, когда цари станут философами или же философы — царями.
51. по евангельскому учению нам надлежит охранять и оборонять собственные наши земли, владеть ими и править, а не вторгаться с враждебными целями в чужие, и что в былые времена у сарацин и варваров именовалось подвигами, то ныне мы зовем злодейством и разбоем. Сидеть бы ему у себя дома и блюсти в нем порядок, как подобает королю, а не осквернять мой дом и не грабить его дотла, ибо, блюдя надлежащий порядок, он приумножил бы свое достояние, обирая же меня, он сам разорится.
52. вместе с общим достоянием всегда гибнет и частное
53. труп Фанфарона был сброшен с крепостной стены в ров.
54. В таком виде поганый злока зашагал дальше
55. Таково свойство признательности, ибо если время все на свете разрушает и умаляет, то добрые дела оно возвеличивает и приумножает, оттого что благодеяние, щедрою рукою оказанное человеку справедливому, непрерывно возрастает усилиями благородного его ума и памяти.
56. В таком случае, — сказал Гаргантюа, — прежде всего вокруг нее не должно быть стены, ибо все прочие аббатства обнесены высоченной стеной.
57. если туда войдет женщина (я разумею женщину добродетельную и целомудренную), то в местах, через которые она проходила, полагается после производить уборку, ну, а там будет заведен такой порядок: тщательно убирать все те помещения, в коих побывают инок или инокия, которые случайно туда забредут. В монастырях все размерено, рассчитано и расписано по часам, именно поэтому мы постановим, чтобы там не было ни часов, ни циферблатов, — все дела будут делаться по мере надобности и когда удобнее, ибо считать часы — это самая настоящая потеря времени. Какой от этого прок? Глупее глупого сообразовываться со звоном колокола, а не с велениями здравого смысла и разума. Item, [111] в наше время идут в монастырь из женщин одни только кривоглазые, хромые, горбатые, уродливые, нескладные, помешанные, слабоумные, порченые и поврежденные, а из мужчин — сопливые, худородные, придурковатые, лишние рты...
58. Следственно, туда будут принимать таких мужчин и женщин, которые отличаются красотой, статностью и обходительностью. Item, в женские обители мужчины проникают не иначе как тайком и украдкой, — следственно, вам надлежит ввести правило, воспреещающее женщинам избегать мужского общества, а мужчинам — общества женского. Item, как мужчины, так и женщины, поступив в монастырь, после годичного послушнического искуса должны и обязаны остаться в монастыре на всю жизнь, — следственно, по вашему уставу, как мужчины, так и женщины, поступившие к вам, вольны будут уйти от вас, когда захотят, беспрепятственно и безвозбранно. Item, обыкновенно монахи дают три обета, а именно: целомудрия, бедности и послушания, — вот почему вам надлежит провозгласить, что каждый вправе сочетаться законным браком, быть богатым и пользоваться полной свободой. Что касается возрастного

- ценза, то при поступлении для женщин должен быть установлен предел — от десяти до пятнадцати лет, а для мужчин — от двенадцати до восемнадцати.
59. Само здание было построено в виде шестиугольника, с высокими круглыми башнями по углам, диаметром в шестьдесят шагов каждая; все башни были одинаковой величины и одинаковой формы. На севере протекала река Луара. На берегу реки стояла башня, которая называлась Арктика; с восточной стороны высилась другая башня, под названием Калаэра, следующая башня называлась Анатолия, за нею — Мессембрина, затем — Гесперия и, наконец, последняя — Криэра. Пространство между башнями равнялось тремстам двенадцати шагам. Здание было семиэтажное, если подвальный этаж считать за первый. Своды второго этажа напоминали ручки от корзины. Верхние этажи были оштукатурены фландрским гипсом, замки сводов имели форму лампад. Крыша из лучшего шифера была украшена свинцовыми поделками в виде маленьких человечков и зверьков, искусно сработанных и позолоченных; с крыши, между окнами, на некотором расстоянии от стен спускались водосточные трубы, расписанные крест-накрест золотом и лазурью; внизу они переходили в широкие желобы, из которых вода стекала под здание, а оттуда в реку.
60. в нем насчитывалось девять тысяч триста тридцать две жилые комнаты, при каждой из которых была своя уборная, кабинет, гардеробная и молельня и каждая из которых имела выход в большой зал
61. *В кого проник бесовский дух маммоны, Кто иступленно копит миллионы. Пусть в раскаленный ад вас ввергнет черт! Здесь места нет для скотских ваших морд.*
62. *Входите к нам вы, кем завет Христов От лжи веков очищен был впервые. Да защитит вас наш надежный кров От злых попов, кто яд фальшивых слов Всегда готов вливать в сердца людские.*
63. *В дар золотой металл Наш король нам дал, Чтоб от бед сберечь нас; Тот не канет в вечность, Кто нам завещал В дар золотой металл.*
64. Посреди внутреннего двора был дивный алебастровый фонтан, увенчанный изображением трех граций, причем каждая грация держала в руках рог изобилия, а вода лилась у них из сосков, рта, ушей, глаз и прочих отверстий.
65. Перед залами женской половины находились помещения для парфюмеров и цирюльников, через руки которых непременно должны были пройти мужчины, навещавшие женщин. Парфюмеры каждое утро доставляли в женские покои розовую, апельсиновую и миртовую воду и вносили туда драгоценные курильницы, от коих исходил дым всяческих благоуханий.
66. Впрочем, между мужчинами и женщинами царило такое согласие, что и те и другие ходили в одеждах одной и той же ткани, одинаковой расцветки, а чтобы не вышло ошибки, несколько молодых людей должны были ежеутренне оповещать мужчин, что сегодня собираются надеть дамы, ибо все в обители подчинялось желаниям дам
67. Вся их жизнь была подчинена не законам, не уставу и не правилам, а их собственной доброй воле и хотению. Вставали они когда вздумается, пили, ели, трудились, спали когда заблагорассудится; никто не будил их, никто не неволил их пить, есть или еще что-либо делать. Такой порядок завел Гаргантюа. Их устав состоял только из одного правила: *Делай что хочешь, ибо людей свободных, происходящих от добрых родителей просвещенных, вращающихся в порядочном обществе, сама природа наделяет инстинктом и побудительною силой которые постоянно наставляют их на добрые дела и отвлекают от порока, и сила эта зовется у них честью. Но когда тех же самых людей давят и гнетут подлое насилие и принуждение, они обращают благородный свой пыл, с которым они добровольно устремлялись к добродетели, на то, чтобы сбросить с себя и свергнуть ярмо рабства, ибо нас искони влечет к запретному и мы жаждем того, в чем нам отказано. Благодаря свободе у телемитов возникло похвальное стремление делать всем то, чего, по-видимому, хотелось кому-нибудь одному.*

Конец текста